

ОБРАЗЫ РАЯ В РУССКОЙ ПОЭЗИИ КОНЦА XX ВЕКА

О. И. Северская¹

¹ Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН
119019, Россия, Москва, ул. Волхонка, 18/2
Поступила в редакцию 01.02.2018 г.
doi: 10.5922/2225-5346-2018-2-5

Рассматриваются образные представления Рая в русской поэзии последних десятилетий XX века, а конкретно – в работах представителей школы метареализма и московского клуба «Поэзия». Выявляется специфика метафоризации мифологеми и реализации ее символических значений в поэтических представлениях о райском саде, земном и небесном рае в образе города и горы, о границах рая, свете как маркере райских стихий и энергий. Отмечается, что представление поэтов о рае обусловлено как Ветхим, так и Новым Заветом, а сам рай выглядит апокалиптическим. Особое внимание уделяется образам запретного плода и древа познания, переосмыслению изгнания из Рая в изгнание в рай. Подчеркивается, что поэзии рассматриваемого периода свойственны философские размышления о рае как чистилище, о «травматизме» райской свободы. Прослеживается также связь новой «райской» поэзии с литературной традицией, идущей от Данте, Мандельштама, Цветаевой.

Ключевые слова: «райский» текст, образы Рая, библейские мотивы, поэзия конца XX века, литературная традиция, лингвистическая поэтика.

Конец XX века, а конкретно период Перестройки, стал для нетрадиционной русской поэзии временем осмысления дарованных возможностей, перспектив, которые возникали перед ней после выхода из литературного андеграунда. Неожиданно открывшийся доступ к читателю, возможность публикаций были поистине «райскими условиями» после душевного «ада» стагнации. Но это породило и основной творческий конфликт: обретенный «рай» не мог быть снова утрачен, а потому, как это определил в конце 1980-х А. Парщиков (2006, с. 81, 117), требовал от поэтов постоянной «игры на повышение» и внушал комплекс «недомерка», заставляя страдать от несоответствия превосходящей творческую энергию свободе самовыражения, в чем и заключалась «драма рая».

К такому определению основного литературного конфликта и призыву А. Парщикова к собратьям по цеху принять вызов и «перебраться из ада в рай» сочувственно отнеслись не только другие поэты школы метареализма – И. Жданов, А. Еременко, В. Аристов, С. Соловьев, И. Кутик, Е. Даенин, но и некоторые представители московского клуба «Поэзия», в частности Н. Искренко. В их текстах можно встретить бытовые приметы «райской жизни»: например, у С. Соловьева это *пайковый рай, не рай, не нирвана, а хищная форма простого глагола to be («Не-любовь»)*, *доморощенный рай («В стороне»)* (Соловьев, 2010); а также фи-

лософские размышления о «райском чистилище». *Рай и Ад перемешались в нас*, — заключает И. Кутик в стихотворении «Ад и Рай» (Кутик, 1990), а *ангел-хранитель* у него *прячется в тень, от пеклица обессилев райско-го* в «И опять — борьба» (Кутик, 2003), в то время как А. Парщиков отправляет поэтов в Лимб, промежуток между адом и раем (Парщиков, 2006, с. 118–119), и заимствует для них у Данте образ жаб из девятого адового круга в «Элегии»: *шедевры дрожали под их языком* (Парщиков, 1996, с. 49). *Нас приготовили к изгнанию в рай*, — это взгляд на ситуацию В. Аристова в «Воскресной ярмарке в Форосе» (Аристов, 2008, с. 149); *травма рая* есть и у С. Соловьева в «Анне» (Соловьев, 2010). Весьма популярно и представление об идущем от Дантовой «Божественной комедии» восхождении по бесконечно усложняющимся уровням рая, построенного амфитеатром и полнящегося языками, которые предстоит выучить. Так, у И. Жданова, А. Парщикова и С. Соловьева возникают образы «амфитеатра» печатной машинки, обещающей и восхождение на Голгофу, и Небесный Иерусалим (Северская, 2007, с. 93–115). И, конечно, поэзия конца XX века изобилует «райскими» образами.

Мифологема *Рай* при этом представлена во всех своих ипостасях, соответствующих архаической картине мира (Аверинцев, 1982): это *сад, город, стена, гора, свет и небеса*. Подобно тому, как в тексте соотносятся поверхностные и глубинные структуры, так же образ Рая угадывается зачастую по ключевым словам, лежащим на поверхности. При этом в одном контексте может быть актуализировано сразу несколько «райских» примет, как, например, у А. Парщикова (1996, с. 42):

Тотчас в районе, чья слава была от *садов*¹,
где *под горой* накопились отстойные тыщи,
переварили преграду две черных грязищи —
жижа грунтовая с *мутью закисших прудов*,
смесь шевельнулась и выбросила пузыри.
Села *гора* парашотом, вдохнувшим земли.
<...>
Был ли здесь *Город великий?*
— он был, но *иссяк*

(Из *города*)

Здесь явно «прочитываются» остающиеся в подтексте образы *Города великого на горе* — Рая небесного, Небесного Иерусалима, *сада*, огороженного *преградой*, — Рая земного, а орошавшая райский сад Эдем река *иссякает* и превращается в *жижу с мутью закисших прудов*. И, таким образом, обозначается оппозиция истинного и мнимого *рая*.

Представление о *Рае-саде* объединяет ветхо- и новозаветные образы. И внимание поэтов привлекают, прежде всего, *дерево познания* и *запретный плод* — *яблоко*.

Н. Искренко в пародийной пьесе «Вишневый сад продан?» задается вопросами: «А как же *райский сад*, Эдем? <...> И *добрый садовник*, умелый гончар, *перстом* делающий *углубление на животе глиняного Адама?*» (Ис-

¹ Здесь и далее в цитатах курсив мой. — О. С.

кренко, 1993а). С райским садом связаны и представления поэтов о семи днях Творения. Например, С. Соловьев в «Анне» вскользь замечает: *Семь дней отмерь — и отрежешь* (Соловьев, 2010). Намек на сотворение мира и Рая присутствует и в эссе «Меньше двух яблок» Н. Искренко (Искренко, 1993б):

Темнота, поражавшая глаз в первую секунду, была всего лишь символическим воссозданием первого дня творения, и при небольшом усилии легко отделилась от света, отделяя заодно — так же легко и естественно — небо от земли, горы от долин, Луну от Солнца, компромисс от компромисса, а всякое три от любых четырех. Уже через несколько мгновений Сад был открыт, распахнут как рояль, и разноцветные его круги закачались и поплыли, не касаясь друг друга, не толкая друг друга на жертву или хотя бы на готовность к оной, не требуя друг от друга ничего, даже минимального внимания. <...> Наконец, до вас доходит, что Сад означает просто — Рай...

В поэтическом райском саду почетное место занимают деревья и яблоки. Н. Искренко в «Меньше двух яблок» подменяет яблоко с райского древа познания «молодильным яблоком из сада Гесперид», объясняя при этом читателю, что в раю нужно действовать «не задумываясь и не боясь попасться на удочку» (Искренко, 1993б). А в «Шарах» она уже прямо говорит: *голова имеет форму Ада* (Искренко, 1993в), намекая на изгнание из Рая при излишне рациональном подходе. И это представление разделяют и другие поэты, например Е. Даенин, у которого в «Драме рая» «мозг — костолом эдема: мышцей — мышью — мыслью / мглою / в мышлении по древу за стволом / стола» (Даенин, 2000, с. 24), а в «Жребии» мысль является как «*весть — / змеем с древа: / <...> закадычным яблочком*» (там же, с. 23); или В. Аристов, у которого в «Воскресной ярмарке в Форосе» рай сужается до «*тесноты извилин внутри священного ореха*» (Аристов, 2008, с. 149).

Как и библейские Адам и Ева, герои поэзии конца XX века не довольствуются плодами райского сада, их манит плод с дерева добра и зла, в корнях которого — змея, в ветвях вершины кроны — птица, в стволе — демон страсти, дух Лилит — изгнанной из Рая первой жены Адама, как в поэме «Тварь» С. Соловьева (1993, с. 67):

*Ты, в древо вползая, тянулась к гнезду,
и небо шумело, как улей.
<...>
Ты в скользкие кольца сжималась, как мысль,
и вновь распрямлялась, смеясь.*

У А. Парщикова в «Статуях» вместо Адама и Евы — «*истуканы в саду на приколе... две развалины белые*» (Парщиков, 1996, с. 39), что неудивительно: на земле Рая нет, остался лишь гипсовый слепок. И «*адамоподобный обезьян убежал на море*» (Парщиков, 1996, с. 78).

Именно с морем, а не с садом связывают поэты 1980–2000-х райское наслаждение. При этом морской «рай», лишенный пышности сада, полон чувственных образов библейского Эдема.

У А. Парщикова в «Землетрясении в бухте Цэ», казалось бы, с раем никак не связанном, действие происходит на *бледных холмах азовья* (Парщиков, 1996, с. 9), где появляется интересная пара (там же, с. 7):

Я увидел — двое лежат в лощине
на рыхлой тине в тени,
лопатки сильные у мужчины,
у нее — коралловые ступни,
с кузнечиком схожи они сообща,
который сидит в золотистой яме,
он в ней времена заблуждал, трепеща,
энергия расходилась кругами.
Кузнечик с женскими ногами...

— эти «Адам и Ева» — то ли боги неканонические, то ли таблицы анатомические (там же, с. 10).

«Райские» приметы все время проявляются в этом тексте: «Из-за горизонта блеснул неизвестный город / и его не стало (там же, с. 7); «Где я? А на месте лощины — холм. / Земля — конусообразна / и оставлена на острие, / острие скользит по змее, / надежда напрасна» (там же, с. 8); в тексте все *искрит, блестит* и так или иначе излучает свет, *лучатся* в нем *утраченная среда обитания* и *кумиры* (там же, 1996, с. 8–9).

С. Соловьев в «Твоя походка неплохо смотрится...» (Соловьев, 1993, с. 97) отправляет своих героев на Днепровский лиман Черного моря, в Херсон, *искушая их падением алычи и арбузной мякотью губ*, и «райские» аллюзии вводятся в текст через ключевые слова и образы:

Ты не считаешь человека разминкой смерти
<...>
и деревья на цыпочках обходят тебя стороной.
<...>
Когда я беру на руки твоё библейское тело —
чувствую, как сквозь него преломляются лучи.

А его эфемерная Ева — «плоть от плоти» вовсе не Адама, а бесплотных небес и света и цвета: *Радуги ребро — Ева невоплощенная* (там же, с. 79).

Отметим и еще одну особенность: где бы ни обнаруживался поэтический *рай* — у моря ли, в саду ли, — он апокалиптичен, находясь, например, у А. Парщикова между шестой и седьмой печатями; и соответствующий пассаж смотрится в тексте цитатой из какого-то неканонического «Писания» (Парщиков, 1996, с. 10): *распадутся печати <...> птица окликнет трижды...* или совмещает в себе признаки ветхо- и новозаветного. Не только Н. Искренко соотносит Эдем и Гефсиманский сад, перекидывая от одного к другому (руками персонажей) *яблоко* (Искренко, 1993б), но и И. Жданов во «Взгляде» связывает первородный грех с искупительной жертвой и гефсиманской молитвой (Жданов, 2006, с. 27): в этом тексте *«дерево застыло... и яблоко надкусанное цело»* и

«играет в прятки сам с собою / *тот*, кто вернуть свой взгляд уже не в силах, / *кто дереву не дал остаться прахом*, / Иуды кровь почувствовав в стопе». В поэме С. Соловьева «Тварь» (Соловьев, 1993, с. 67) есть не только размышления о грехопадении, но и образ Голгофы:

Гора клубилась среди пустыни,
как будто вспоротый кишечник:
тугие, скользкие, густые
тела детей, мужчин, и женщин,

и апокалиптические картины:

сплетенных змей все ниже гнулись гроздьи
<...>
и вслед за ними падали из тьмы
тугие свертки в желтом целлофане –
хрустящие пакетики с людьми.

Напоминанием о *Рая-горе* в поэзии метареализма становятся *холмы*. По-русски *холм* – это небольшая отлогая *горка*, то есть не совсем *гора*. *Холмы* как *вариант*, который *унижает свой вид предыдущий*, упоминает А. Парщикова в «Из города» (Парщиков, 1996, с. 41). *Холмы-двойники* появляются в «Холмах» у И. Жданова, и «*холм, помещенный нигде и всюду*», который осеняет «*свет укора* и *праздничный свет искупленья*», – это и есть Голгофа, о чем недвусмысленно говорит образ Сына Божьего, чья «*жертва* в казни обретает *залог* и *долг продолженья*» (Жданов, 2006, с. 105–106):

Он стоит, лицо закрывая руками,
в одиночестве смертном, один, убогий,
окруженный иудами и врагами,
иступленной кровью горя в тревоге.

Гора неизменно предстает символом утраченного Рая, даже если это *гора над деревней*², как в «Горе» И. Жданова, где *возле нее погреться память не прочь* (Жданов, 2006, с. 126):

С вершины этой горы видно другое детство
или, верней, преддетство, замысел между строк.
<...>
За горизонтом порой исчезает Медведица – это
смещается ось Земли, вопрошает и тварь, и дух:
– Куда провалился знак, путеводный подросток света?
Где неба привычного лик, из каких вырастает прорух?

² Ср. у М. Цветаевой в «Поэме горы»: «*Та гора была над городом. <...> Не Парнас, не Синай, Просто голый казарменный Холм. – Равняйся! Стреляй! – Отчего же глазам моим (Раз октябрь, а не май) Та гора была – рай?*» (Цветаева, 1965, с. 444).

Время в этом стихотворении включает и момент *до сотворения мира*, а кроме того, «след Вавилонской башни зияет беспамятством ада / и бродит, враждой и сварой пятная пути времен» (Жданов, 2006, с. 126).

Образ *рая-города* у метареалистов многогранен. Реальный город с его реальными стенами оказывается не более чем горьким воспоминанием о Небесном Иерусалиме и изначальной стене, окружавшей Рай, и пародией на райский «город-сад», которым уже соблазнялась поэзия (ср. у Маяковского: *Я знаю – город будет, я знаю – саду цвести*).

А. Парщиков в «Тот город фиговый...» (Парщиков, 1996, с. 51) рисует образ *города-ада*, мнимого *рая земного*, наследника *Града небесного*:

Тот город фиговый – лишь флер над преисподней.
Мы оба не обещаны ему.
Мертвы – вчера, оживлены – сегодня,
я сам не понимаю, почему

– а состояние человека в нем определяет как *детский испуг*.

И. Жданов упоминает *взыскуемый град* в своем «Преображении» (Жданов, 2006, с. 120), а в эссе «Мнимые пространства» создает образ *города-горы, изрытой гроздьями нор*³, и подсказывает путь к восстановлению стены Небесного Иерусалима (Жданов, 2006, с. 38):

Сверхгород – это сверхниша, а ниша – обманчивое пространство, обиталище, где можно как будто укрыться. Ниши чаще всего пусты, город заполнен ими, это толпы дверей, никуда не ведущих. Но есть города, где в их мнимых пространствах можно увидеть того, кого называют небесной дверью, снисшедшей на землю. Ниша – тайник, стена и не стена, пауза в стене, призрачное пространство. Не надо искать где-нибудь в мироздании место, где пространство и время совмещены в одно – войди в нишу и ты почувствуешь, что это место здесь. Войди – и ты отождествишься с ней: станешь кирпичом в стене, частью стены.

Он называет и необходимое условие: «если человек открыт, как Адам, а мир для него загадочен, деятелен и скульптурен» (Жданов, 2006, с. 38).

У А. Парщикова во «Вступлении» к поэме «Я жил на поле Полтавской битвы» (Парщиков, 1996, с. 91–92) также встречается мотив творческого обретения Небесного Иерусалима:

*Буквы, вы – армия, ослепшая вдруг и бредущая краем времен,
мы вас видим вплотную – рис ресниц, и сверху – риски колонн, –
брошена техника, люди, как на кукане, связаны температурой тел,
но очнутая войска, доберись хоть один до двенадцатислойных стен
Идеального Города, и выспись на чистом, и стань – херувим;
новым зреньем обводит нас текст и от лиц наших не отделим.*

³ Ср. у М. Цветаевой в «Поэме горы»: «Нашу гору застроят дачами, Палисадниками стеснят. <...> И пойдут лоскуты выкраивать, Перекладинами рябить. <...> По упорствующим расцелинам Дачник, поздно хватаясь, поймет: Не пригорок, поросший семьями: Кратер, пущенный в оборот!» (Цветаева, 1965, с. 448).

В образе *армии букв* угадывается символ Дантовых *райских войск*⁴, есть и другие «райские» приметы: машинка толкает лист *в гору*, из букв лепится *холм*.

А. Драгомощенко же пишет о *фабуле разветвляющегося города* (Драгомощенко, 2011, с. 346) и тоже указывает на приметы «райского» состояния: наблюдается *звездное роение, склон открыт ветру*, но сам *город-рай* у него «вместо того, чтобы приближаться, раскрываясь, — удаляется, покуда не пропадает за пределами фразы». Таким образом, *город* предстает уже как не столько собственно *рай*, сколько как «райский» *текст*.

Таким образом, обретая утраченный рай, угадывая его следы по приметам, обращаясь к ветхо- и новозаветным образам Рая, русская нетрадиционная поэзия конца XX века воссоздает его двойник в своем бесконечно расширяющемся, обещающем множество ступеней преобразования и восхождения к изначальному смыслу «райском» тексте. Если говорить о традициях, он получается ошеломляющим и безграничным, как у Данте, и при этом «далеко не азбучным», как у М. Цветаевой (Цветаева, 1965, с. 444). И, как у О. Мандельштама (Мандельштам, 1994, с. 241), в этом раю «Адам и Ева совещаются, одетые по самой последней райской моде».

Список литературы

Аверинцев С. С. Рай // Мифы народов мира : в 2 т. / гл. ред. С. А. Токарев. Т. 2. М., 1982. С. 363–366.

Аристов В. Избранные стихи и поэмы. СПб., 2008.

Даенин Е. Возведение в степень. М., 2000.

Данте Алигьери. Божественная комедия / пер. с итал. М. Лозинского. М., 1974.

Драгомощенко А. Тавтология : стихотворения, эссе / предисл. А. Скидана, послесл. Е. Павлова. М., 2011.

Жданов И. Воздух и ветер. Сочинения и фотографии. М., 2006.

Искренко Н. Вишневы сад продан? 1993а. URL: <http://www.vavilon.ru/texts/iskrenko2-4.html> (дата обращения: 21.12.2017).

Искренко Н. Менее двух яблок. 1993б. URL: <http://www.vavilon.ru/texts/iskrenko2-2.html#14> (дата обращения: 21.12.2017).

Искренко Н. Шары. 1993в. URL: <http://www.vavilon.ru/texts/iskrenko2-1.html#5> (дата обращения: 21.12.2017).

Кутик И. Пятиборье чувств. М., 1990. URL: <http://modernpoetry.ru/main/ilya-kutik-izbrannoe> (дата обращения: 21.12.2017).

Кутик И. Персидские письма, или Вторая часть книги Смерть трагедии, выходящая из первой. М., 2003. URL: <http://modernpoetry.ru/main/ilya-kutik-persidskie-pisma> (дата обращения: 21.12.2017).

Мандельштам О. Собрание сочинений : в 4 т. Т. 3 : Стихи и проза 1930–1937 / сост. и коммент. П. Нерлер, А. Никитаева. М., 1994.

Парщиков А. Выбранное. М., 1996.

Парщиков А. Рай медленного огня. Эссе, письма, комментарии. М., 2006.

⁴ Ср. у Данте в «Божественной комедии», в главе «Paradiso»: *Здесь райских войск увидишь ты громаду...* (Данте, 1974, с. 799).

Северская О.И. Язык поэтической школы: социолект, идиолект, идиостиль. М., 2007.

Соловьев С. В стороне / предисл. А. Илличевского. М., 2010. URL: <http://www.vavilon.ru/texts/soloviev4.html> (дата обращения: 21.12.2017).

Соловьев С. Пир: тексты, стихи, беседы. Николаев; Симферополь, 1993.

Цветаева М. Избранные произведения / сост., подгот. текста и примеч. А. Эфрон, А. Саакянц. М.; Л., 1965.

Об авторе

Ольга Игоревна Северская, кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник, ФГБУН «Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН», Россия.

E-mail: oseverskaya@yandex.ru

Для цитирования:

Северская О.И. Образы рая в русской поэзии конца XX века // Слово.ру: балтийский акцент. 2018. Т. 9, №2. С. 60–68. doi: 10.5922/2225-5346-2018-2-5.

IMAGES OF PARADISE IN THE RUSSIAN POETRY THE END OF THE 20TH CENTURY

*Olga I. Severskaya*¹

¹V.V. Vinogradov Russian Language Institute

18/2 Volkhonka St., Moscow, 119019, Russia

Submitted on February 01, 2018

doi: 10.5922/2225-5346-2018-2-5

The article deals with the concept of Paradise and its figurative representations inherent in the poetic generation of the 1980-2000s. The study is based on the material of the poetry of Russian meta-realists – A. Parshchikov, I. Zhdanov, A. Eremenko, A. Dragomoschenko, V. Aristov, S. Soloviev, Ye. Danin, and N. Iskrenko, a member of the Moscow "Poetry" club. The author reveals the specific character of the metaphorization of the mythologeme and the realization of its symbolic meanings in poetic representations of the Garden of Eden, the earthly and heavenly Paradise in the image of the city and the mountain, the boundaries of Paradise, the light as a marker of heavenly elements and energies. The study shows that both the Old and New Testaments determine poetic interpretations of Paradise, and the Paradise itself looks apocalyptic. The author analyzes the images of the Forbidden fruit and the Tree of knowledge, and reinterprets the expulsion from Paradise into exile in Paradise. It is emphasized that the poetry of the period under consideration is characterized by philosophical reflections on Paradise as a Purgatory; it shows the traumatism of paradise freedom, which is determined by the experience of this poetic generation of moving from the literary underground to the centre of the literary process and by changing the reality reflected in poetry, the appearance in this reality of signs of "paradise life" and new, sometimes surpassing the creative personality, opportunities for self-expression. There is also a connection between the new "paradise" poetry and the literary tradition that comes from Dante, Mandelstam, and Tsvetaeva.

Keywords: "Paradise" text, images of Paradise, Biblical motifs, poetry of the turn of the 20th century, literary tradition, linguistic poetics.

References

- Averintsev, S.S., 1982. Paradise. In: S. A. Tokarev, ed. *Mify narodov mira* [Myths of the World]. Vol. 2. Moscow. pp. 363–366 (in Russ.).
- Aristov, V., 2008. *Izbrannye stikhi i poemy* [Selected poems]. St. Petersburg (in Russ.).
- Daenin, E., 2000. *Vozvedenie v stepen'* [Exponentiation]. Moscow (in Russ.).
- Dante, Alig'eri, 1974. *Bozhestvoennaya komediya* [The Divine Comedy]. Moscow (in Russ.).
- Dragomoshchenko, A., 2011. *Tautologiya: stikhotvoreniya, esse* [Tautology. Poems, essays]. Moscow (in Russ.).
- Zhdanov, I., 2006. *Vozdukh i veter. Sochineniya i fotografii* [Air and wind. Texts and photos]. Moscow (in Russ.).
- Iskrenko, N., 1993. *Vishnevyy sad prodan?* [The Cherry Orchard sold?]. Available at: <http://www.vavilon.ru/texts/iskrenko2-4.html> [Accessed 21 December 2017] (in Russ.).
- Iskrenko, N., 1993. *Menee dvuh yablok* [Less than two apples]. Available at: <http://www.vavilon.ru/texts/iskrenko2-2.html#14> [Accessed 21 December 2017] (in Russ.).
- Iskrenko, N., 1993. *Shary* [Balls]. Available at: <http://www.vavilon.ru/texts/iskrenko2-1.html#5> [Accessed 21 December 2017] (in Russ.).
- Kutik, I., 1990. *Pyatibor'e chuvstv* [Pentathlon of Feelings]. Moscow. Available at: <http://modernpoetry.ru/main/ilya-kutik-izbrannoe> [Accessed 21 December 2017] (in Russ.).
- Kutik, I., 2003. *Persidskie pis'ma* [Pentathlon of feelings]. Moscow. Available at: <http://modernpoetry.ru/main/ilya-kutik-persidskie-pisma> [Accessed 21 December 2017] (in Russ.).
- Mandel'shtam, O., 1994. *Sobranie sochinenii v 4-kh tt. T. 3: Stikhi i proza 1930–1937* [Collected works in 4 vols. T. 3: Poems and prose 1930–1937]. Moscow (in Russ.).
- Parshchikov, A., 1996. *Vybrannoe* [Selected] (in Russ.).
- Parshchikov, A., 2006. *Rai medlennogo ognya. Esse, pis'ma, kommentarii* [Paradise of slow fire. Essays, letters, comments]. Moscow (in Russ.).
- Severskaya, O.I., 2007. *Yazyk poeticheskoi shkoly: sotsiolekt, idiolekt, idiostil'* [The language of the poetic school: sociolect, idiolect, idiostyle]. Moscow (in Russ.).
- Solov'ev, S., 2010. *V storone* [On the side]. Moscow. Available at: <http://www.vavilon.ru/texts/soloviev4.html> [Accessed 21 December 2017] (in Russ.).
- Solov'ev, S., 1993. *Pir: Teksty, stikhi, besedy* [Feast. Texts, poems, talks]. Nikolaev-Simferopol' (in Russ.).
- Tsvetaeva, M., 1965. *Izbrannye proizvedeniya* [Selected works]. Moscow-Leningrad (in Russ.).

The author

Dr Olga Severskaya, Leading Research Fellow, V.V. Vinogradov Russian Language Institute, the Russian Academy of Sciences, Russia.
E-mail: oseverskaya@yandex.ru

To cite this article:

Severskaya O.I. 2018, Images of Paradise in the Russian poetry the end of the 20th Century, *Slovo.ru: baltiyskij accent*, Vol. 9, no. 2, p. 60–68. doi: 10.5922/2225-5346-2018-2-5.